

И. Е. ДЕНИСОВ

Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК

Игорь Евгеньевич Денисов, ст. науч. сотр.
Центра исследований Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: iedenisov@mail.ru

Аннотация. Дипломатия Си Цзиньпина базируется на определенных институциональных изменениях в процессе принятия внешнеполитических решений. В ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва был создан Совет государственной безопасности (СГБ). В настоящей статье выявляются мотивы, лежащие в основе данного решения, анализируются персональный состав и основные задачи СГБ. Автор статьи приходит к выводу, что в ходе дальнейшей эволюции Совета государственной безопасности нельзя исключать его трансформацию в институт, отвечающий за внешнюю политику и безопасность и имеющий двойной партийно-государственный статус. Этот шаг способен переформатировать структуру распределения власти в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, Си Цзиньпин, стратегия, безопасность, реформы, процесс принятия решений.

При анализе более активной внешней политики современного Китая внимание, как правило, уделяется двум объектам исследования – внешнеполитическим концепциям («Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества», «дипломатия большого государства с китайской спецификой») и изменениям в дипломатической практике (новации в развитии двусторонних отношений, активность в многосторонних структурах, инициативы КНР в сфере глобального управления). Между тем «дипломатия Си Цзиньпина», под которой принято понимать трансформацию внешней политики КНР в сторону большей проактивности, ее постепенный отход от завета Дэн Сяопина «скрывать свои возможности и держаться в тени» [6, р. 84], опирается на определенные институциональные изменения, касающиеся процесса принятия решений, и это также требует пристального анализа [2, р. 114–115].

При изучении «Одного пояса, одного пути», флагманской глобальной инициативы Си Цзиньпина, приоритетное внимание обращается на конкретно-практические, прежде всего экономические, аспекты, связанные с китайскими инвестициями, строительством инфраструктурных объектов и т. д., либо анализируются решаемые с помощью инициативы внешнеполитические задачи [7].

С момента выдвижения инициативы в 2013 г. меньшее внимание российскими и зарубежными учеными уделяется вопросам, которые можно условно отнести к политической сфере, вернее — к сфере «политических технологий»: каким образом и в каких китайских властных коридорах рождались идеи, концепты и формулы этой «зонтичной инициативы»; как эти формулировки оттачивались и корректировались; с помощью каких инструментов Пекин доносил содержание нового курса до китайской и зарубежной аудитории; наконец, насколько успешно был выстроен процесс коммуникации — и внутри китайской партийно-государственной вертикали, и в отношениях с партнерами за рубежом.

Даже очень хорошее понимание логики всего начинания (экономической, геополитической или культурно-гуманитарной) само по себе не дает возможности нащупать логику работы китайского госаппарата, понять, как поэтапно развивалась политическая ситуация вокруг инициативы китайского лидера, раскрыть механику продвижения инициативы «Одного пояса, одного пути» — от общих формулировок до реализации на практике.

Когда говорят, что Китай предлагает миру некий «китайский план» или «китайское решение» (*чжунго фан'ань*), естественно попытаться понять, кто и каким образом влияет на конечный вид китайских инициатив. Важно также уяснить, как осуществляется координация между различными китайскими ведомствами, участвующими в развитии связей с зарубежными партнерами, как налажена обратная связь, насколько оперативно и успешно идет «обработка ошибок», каким образом региональные власти (провинций, автономных районов и городов центрального подчинения) влияют на формирование внешнеполитической повестки государства. Все эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку ответы на них позволяют увидеть внешнеполитический процесс в динамике, а следовательно, появляется возможность для разработки прогнозных сценариев.

Настоящая статья посвящена изменениям, которые произошли в механизме принятия внешнеполитических решений на высшем уровне после XVIII съезда КПК (8–14 ноября 2012 г.). Если представить этот механизм в виде нескольких концентрических кругов вокруг фигуры Си Цзиньпина, которого официально называют «сердцевиной», или «ядром» (*хэсинь*), всей политической системы страны, то речь идет о круге, находящемся в самом центре. Ограничение рамок исследования продиктовано тем, что, с учетом централизации процесса принятия решений в целом, именно здесь обсуждаются и решаются ключевые вопросы, касающиеся внешнеполитической сферы. Ниже нами будет проанализировано функционирование созданного в исследуемый период Совета государственной безопасности. Совет и его аппарат составляют «костяк» системы стратегического планирования и реагирования на весь комплекс внешних и внутренних угроз.

Главной тенденцией реформы партийно-государственного аппарата при Си Цзиньпине стало выстраивание жесткой властной вертикали. На вершине власти от множества политических акторов ждут, прежде всего, лояльности, дисциплины и строго следования указаниям центра [3, р. 10, 13]. Затронул этот процесс и внешнеполитическую сферу. Нынешнее руководство КНР централизует принятие решений по любым важным внешнеполитическим вопросам, что выражается в принципе «сверху вниз» (*top-level design, динцэн шэцзи*), при этом на высшем уровне пытаются тщательно оценивать: каким образом те или иные события в отношениях с зарубежными государствами и международными организациями повлияют на состояние китайской экономики и внутриполитическую стабильность в Китае [1, с. 92–93]. При Си Цзиньпине весь комплекс угроз, неопределенностей и вызовов, с которыми сталкивается Китай на международной арене в процессе своего возвышения, стал рассматриваться в еще более тесной увязке с решением задач внутренней политики.

При этом, как представляется, происходили важные изменения в стратегическом мышлении правящей элиты. Период «стратегических возможностей», то есть относительно благоприятный с точки зрения внешней среды период, который при прежних руководителях КНР воспринимался несколько механистически — как данность, теперь становится предметом внимательного анализа, с оценкой как положительных тенденций, так и возможных рисков для страны. С повышением совокупной национальной мощи самого Китая и ростом его глобальных амбиций неизбежно увеличивается и цена ошибки, недаром в китайской экспертной среде все чаще говорят об опасности «стратегического овердрафта». Под этим имеется в виду ситуация, когда государство перенапрягается, растрачивает свой стратегический ресурс, не достигая важных для себя целей. Неправильный стратегический расчет начинает восприниматься политической элитой как серьезная угроза режиму, особенно в условиях падения темпов роста

ВВП [1, с. 94]. Задачу внешнеполитического аппарата КНР видный китайский специалист по международным отношениям Ян Цземьянь видит в том, чтобы сохранять постоянную бдительность в дипломатическом мышлении и практике и — что наиболее важно — «не допускать любые фатальные ошибки» [10, р. 17].

Высшим системообразующим институтом внешнеполитического и силового блока является Совет государственной безопасности (СГБ), который с момента создания и по сегодняшний день возглавляет лично Си Цзиньпин. В свое время, подводя итоги 700 дней «эпохи Си Цзиньпина», китайские СМИ опубликовали список 12 словосочетаний, связанных с политикой нового лидера после прихода к власти. Среди них *гоаньвэй* — сокращенное наименование Совета государственной безопасности.

Следует сделать пояснение по поводу перевода названия данного органа на русский язык. Мы придерживаемся ранее употреблявшегося варианта — Совет государственной безопасности (ЦК КПК). Китайское официальное название состоит из трех элементов — *чжунгун чжунянь* (ЦК КПК); *гоцзя аньцюань* (безопасность государства, государственная безопасность); *вэйюаньхуэй* (комиссия, комитет, совет). Единственную трудность представляет адекватный перевод на русский язык последнего элемента, поскольку в системе партийно-государственных органов КНР есть и комитеты (Центральный комитет), и комиссии (Центральная комиссия по проверке дисциплины), и советы (Военный совет ЦК КПК / Центральный военный совет КНР). Во всех этих случаях используется одно и то же китайское слово *вэйюаньхуэй*. Использование термина «совет» в переводе названия СГБ показывает, что речь идет о примерном аналоге Совета безопасности РФ или Совета национальной безопасности США, то есть об органе, на который возложена межведомственная координация и подготовка решений в сфере государственной политики по обеспечению национальной безопасности, защите страны от внешних и внутренних угроз. Кроме того, выбор данного слова подчеркивает особый характер органа, который в сфере внутренней и внешней безопасности выполняет функции в некоторой степени схожие с теми, которые Центральный военный совет выполняет по руководству вооруженными силами КНР (хотя полной аналогии здесь, безусловно, нет, прежде всего потому что существование Военного совета ЦК КПК / Центрального военного совета КНР закреплено в Конституции КНР и Уставе КПК, а СГБ является партийным институтом, действующим в соответствии с закрытыми документами).

Решение об образовании Совета государственной безопасности было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.). Первое заседание Совета, согласно официальной информации, состоялось 15 апреля 2014 г. под председательством Си Цзиньпина. 24 января 2014 г. регламент работы СГБ и его состав были утверждены на заседании Политбюро ЦК КПК. Предложения о создании подобного органа обсуждались раньше. В 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь планировал создать в системе власти орган, функционально напоминающий Совет национальной безопасности США. Однако лишь в сентябре 2000 г. по решению ЦК КПК была образована Руководящая группа по безопасности, которая работала под собственной вывеской, но в том, что касалось персонального состава абсолютно совпала с уже существовавшей на тот момент Руководящей группой по международным делам. Разумеется, говорить, что в Китае тогда появился какой-то аналог СНБ США, было преждевременно. По сути, речь шла о расширении и конкретизации задач и добавлении новой повестки в рамках уже работавшей группы, которая занималась внешнеполитической координацией. Несомненно, что событием, которое подстегнуло создание Руководящей группы по безопасности, стала бомбардировка китайского посольства в Белграде (7 мая 1999 г.) во время войны НАТО против Сербии. В этом трагическом событии сфокусировались и внешние, и внутренние факторы, но главное — выявились пробелы в кризисном управлении, в работе как с зарубежным, так и, особенно, с китайским общественным мнением (по Китаю тогда прокатились массовые антиамериканские демонстрации, которые далеко не всегда контролировались или направлялись властями). Выделение тематики «безопасности» было важным, но скорее понималось именно как лучшая межведомственная координация, которая позволит давать более быстрый ответ в случае кризисов, то есть в целом реформа аппарата мыслилась как часть традиционного реактивного, а не нового проактивного подхода. Второй существенный момент — привязка «безопасности» в основном к внешнеполитической повестке показывала, что до определенного времени логика действий китайского руководства была основана на узком и пассивном понимании безопасности (на нас нападают — мы обороняемся).

Ряд причин ускорили создание Совета государственной безопасности, при этом главными были следующие факторы, связанные с переменами в Китае и в мире в целом.

Во-первых, произошло качественное изменение и углубление внутренних и внешних угроз, что обусловило проведение ряда радикальных шагов по реформе системы управления силовыми структурами. Управление предполагалось сделать более оперативным, гибким, с упором на стратегическое планирование и опережающие действия по нейтрализации угроз. В партийных документах и речах Си Цзиньпина подчеркивалось, что количество прогнозируемых и непрогнозируемых факторов риска увеличивается с каждым днем и прежний механизм управления системой государственной безопасности с этими вызовами не справляется.

Во-вторых, с приходом к власти Си Цзиньпина усилилась решимость высшего руководства преодолеть межведомственную разобщенность и подчинить работу многочисленных ведомств единой цели – комплексному обеспечению государственной безопасности (как с точки зрения безопасности внешнего окружения, так и с точки зрения внутривнутриполитической устойчивости) [5, р. 1].

В-третьих, по всей видимости, к 2013 г. в политическом руководстве КНР был достигнут консенсус по поводу характера создаваемой структуры. Для максимальной концентрации власти этот институт было решено включить в структуру высших партийных органов, не создавая новое «суперминистерство» и наделив СГБ максимально возможными полномочиями по принятию решений.

В-четвертых, поддержание стабильности, на чем была основана внутренняя политика при предшественнике Си Цзиньпина Ху Цзиньтао, не давало требуемого эффекта. Прежняя модель сводилась в основном к сохранению статус-кво и «тушению» локальных конфликтов – социальные проблемы решались на местном уровне и, как правило, с помощью финансовых вливаний в депрессивные регионы. «Новая нормальность» китайской экономики, которая заключается прежде всего в снижении темпов роста ВВП, дает все меньше возможностей для такого способа сглаживания социальных диспропорций.

В-пятых, жестко централизованная структура управления в сфере безопасности и внешних связей была необходима для того, чтобы застраховаться от произвола руководителей местных администраций, которые могут играть свою игру (как было, например, с бывшим партийным секретарем Чунцина Бо Силаем, который много занимался самопиаром не только внутри страны, но и на международной арене, установив тесные связи с некоторыми мировыми «тяжеловесами», например, с Г. Киссинджером). Однако главную опасность центральное руководство видело в том, что без должного повседневного контроля местные руководители могут приукрашивать ситуацию в своих регионах и, соответственно, затруднять работу по профилактике социальных конфликтов.

В-шестых, бурное развитие социальных сетей и интернета в целом, который, несмотря на усилившийся контроль за сетевым контентом, невозможно отделить от глобальной сети, поставило перед властями ряд новых вопросов, которые невозможно решить усилиями отдельных ведомств.

Персональный состав СГБ позволяет ему эффективно координировать работу всей системы обеспечения государственной безопасности. Пост председателя СГБ первого состава занял Си Цзиньпин. Двумя заместителями председателя СГБ стали премьер Госсовета КНР Ли Кэцян и председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзян. Таким образом, три высших лица в партийно-государственной номенклатуре (все три являются членами Постоянного комитета Политбюро) вошли в состав СГБ и его руководства. Это уникальный пример для китайской политической системы – ни в каком другом координационном органе эти три высших руководителя не присутствуют вместе.

Внутри СГБ действует более узкая группа (по типу ПК Политбюро). Насколько известно из сообщений печати, с самого начала в состав Совета на правах постоянного члена входил бывший министр общественной безопасности, секретарь Политико-юридической комиссии ЦК КПК Мэн Цзяньчжу. Имена других постоянных и обычных членов Совета с момента его создания в открытой китайской печати не назывались. Из перечня участников совещания по проблемам государственной безопасности, состоявшегося в Пекине 17 февраля 2017 г., можно примерно судить о составе лиц, участвующих в принятии решений по данному кругу вопросов. Это представители центральных партийных органов, профильных министерств (внешнеполитического и силового блоков) и некоторые региональные руководители, однако с определенностью подтвердить их членство в СГБ невозможно¹.

¹ Си Цзиньпин чжучи чжаокай гоцзя аньцюань цзотаньхуэй [Си Цзиньпин руководил проведением совещания по вопросам государственной безопасности] // Синьхуаван [Интернет-сайт ИА «Синьхуа»]. – 2017. 17 февраля. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-02/17/c_1120486809.htm

Канцелярию (то есть рабочий аппарат) СГБ возглавил Ли Чжаньшу (входит в ближайший круг Си Цзиньпина, с сентября 2012 г. являлся главой Канцелярии ЦК КПК, на XIX съезде в октябре 2017 г. вошел в Постоянный комитет Политбюро, а на сессии ВСНП в марте 2018 г. занял пост председателя ПК ВСНП). Не исключено, что текущая работа по подготовке заседаний и оформлению решений СГБ сосредоточена в Канцелярии ЦК КПК (для передачи решений на места могут также использоваться возможности аппарата ЦК). После XIX съезда КПК пост Ли Чжаньшу в СГБ перешел новому главе Канцелярии ЦК КПК Дин Сюэсяну (ранее он был начальником личного секретариата Си Цзиньпина). Интересным представляется обнародование информации о двух заместителях заведующего Канцелярии СГБ. Это – кадровый дипломат Лю Хайсин (до 2017 г. занимал пост помощника министра иностранных дел) и один из руководителей китайского разведсообщества, министр государственной безопасности Чэнь Вэньцин. Появление сведений о данных назначениях говорит о том, что СГБ переживает институциональное становление (ищется, в частности, баланс между внешнеполитической и силовой повесткой, определяется оптимальная кадровая конфигурация), хотя пока этот орган является наименее «засвеченным» в партийном аппарате. О структуре Центрального военного совета известно гораздо больше, чем о «внутренней кухне» СГБ.

Вероятно, это определяется спецификой задач, решаемых Советом. К основным функциям СГБ относятся: разработка и реализация стратегии комплексной безопасности государства; законодательное обеспечение государственной безопасности (в 2014 г. в КНР вступил в силу новый Закон о борьбе со шпионажем, который заменил принятый в 1993 г. Закон о государственной безопасности); разработка рабочего курса и политики в области государственной безопасности; изучение важных проблем обеспечения внутренней и внешней безопасности. В поле зрения СГБ находится весь комплекс проблем, связанных с вызовами в сферах традиционной и нетрадиционной безопасности. Таким образом, СГБ координирует деятельность таких ведомств, как министерство иностранных дел, обороны, юстиции, общественной и государственной безопасности, а также подразделений Народной вооруженной полиции. Вопросы экономической безопасности и внешнеэкономической стратегии отрабатываются во взаимодействии с ведомствами экономического блока, что крайне важно в условиях, когда Китай все теснее связан с глобальной экономикой и, с одной стороны, становится более уязвимым, а с другой – переплетение экономических интересов и внешней политики теперь таково, что суть глобализации и реформы глобального управления по-китайски выражает именно экономическая инициатива «Одного пояса – одного пути».

Для решения своих задач Совет может использовать все имеющиеся разведывательные и контрразведывательные возможности, экспертные ресурсы гражданских и военных аналитических центров. Связь СГБ с экспертным сообществом требует дальнейшего изучения. При анализе доступных открытых источников нами, в частности, обнаружены примеры заказа исследований Канцелярией СГБ на темы внешней политики и безопасности в ряде ведущих аналитических центров (*Табл.*).

Таблица

Примеры заказа аналитических материалов Канцелярией СГБ

Исполнитель	Тема исследования
Институт по изучению энергоресурсов при Государственном комитете по развитию и реформам КНР (ГКРР)	Анализ ситуации в сфере государственной безопасности КНР и меры по реагированию.
Вузы системы Министерства образования КНР	Сравнительные исследования системы законодательства о государственной безопасности в США, Великобритании и других крупных стран Запада.
Исследовательский центр океанской стратегии Пекинского университета	Основные интересы и стратегические цели нашей страны в Южно-Китайском море. Основные интересы нашей страны в Южно-Китайском море и их ранжирование.

tl/201707/t20170726_68175.html (Проверено 18 июня 2018); Хайнань шэн цзяоюй тин вэньцзянь Цюн-Цзяо-Вай 2017 122 хао [Документ Департамента образования провинции Хайнань Цюн-Цзяо-Вай № 122] // Хайнань дасюэ [Хайнаньский университет]. – 2017. 20 июля. – URL: <http://f.hainu.edu.cn/upfile/htmledit/keyan/2017072552701885.pdf> (Проверено 18 июня 2018); Ху Бо // Чжунго хайян фачжань яньцзю чжунсинь [Китайский исследовательский центр развития океанов]. – 2018. 10 апреля. – URL: <http://web.ouc.edu.cn/aoc/dd/4f/c9849a187727/page.htm> (Проверено 18 июня 2018). Составлено автором.

Основной акцент в сфере внутренней политики делается на поддержание социальной стабильности, борьбу с терроризмом и экстремизмом (что также предполагает тесное сотрудничество с зарубежными партнерами), минимизацию рисков при проведении социально-экономических преобразований.

* * *

Возникновение новой структуры отражает стремление КПК реформировать механизм принятия решений, касающихся и глобального позиционирования Китая, и устойчивости социально-политической системы страны. Хотя Руководящая группа по международным делам в новом политическом цикле, начавшемся после XIX съезда КПК, была преобразована в комиссию, то есть ее статус был повышен, тем не менее, судя по всему, она и в дальнейшем останется консультативным органом. При этом Совет государственной безопасности изначально был создан в качестве органа, разрабатывающего стратегию (*цзюэцэ цзигоу*), то есть фактически является партийным институтом, не только концентрирующим всю полноту информации по внешней и внутренней безопасности, но и принимающим стратегические решения в соответствующих областях.

Открытым, правда, остается вопрос, как будет СГБ делить ответственность с другими институтами с пересекающимися функциями. Учитывая важность тайваньской проблемы для безопасности Китая, пока не очень понятно, где будет проходить разделительная линия между Советом и Руководящей группой по делам Тайваня. Вероятно, СГБ может сосредоточиться на стратегическом уровне, а обладающие чуть меньшим аппаратным весом руководящие группы и другие структуры либо займутся экспертной оценкой и сведением в политические документы предложений различных ведомств, либо станут исполнителями и будут действовать исключительно на оперативном уровне. Вряд ли такое разделение труда будет возможно для ЦВС и СГБ, и пока не ясно, какой из этих двух органов будет главным центром принятия решений в случае возникновения кризисной ситуации, в которой вероятно применение военной силы [9, р. 899]. Не попадет ли Китай в ловушку «бюрократического плюрализма» – ситуации, которую описал Дэвид Лэмптон, когда многочисленные координаторы окажутся бессильны что-то решить на своих уровнях и будут вынуждены обращаться к координаторам более высокого уровня [4, р. 13]?

Выступая с речью на церемонии закрытия первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что перед страной стоит задача формирования современного инновационного общества. Инновации в сфере управления становятся важной частью нового этапа реформ. Пока в том, что касается сфер обороны, безопасности и внешней политики, нам известна лишь малая часть реформаторских планов, скорее – мы можем весьма приблизительно судить лишь об общем векторе развития.

Тем не менее на примере СГБ мы видим логику преобразований китайского государственного аппарата: если в начале 2000-х гг. произошло добавление тематики «безопасности» к международным делам, то в дальнейшем можно было наблюдать выделение всего комплекса проблем безопасности в отдельный управленческий блок, который получил привилегированное положение в китайской политической системе. Шаг вполне логичный с учетом растущих вызовов и того, что Китай, по словам Си Цзиньпина, приближается к центру мировой сцены. Дальнейшая эволюция СГБ не исключает и появления у этого органа двойного партийно-государственного статуса, закрепленного конституционно (по модели ЦВС). Это не только станет воплощением «комплексной концепции государственной безопасности», выдвижение которой ставится в заслугу Си Цзиньпину, но может изменить общую конфигурацию власти в Китае.

Между тем кардинальный вопрос реформы системы госуправления – вызовет ли строительство новых институтов подобные же глубинные перемены в самой практике принятия решений, повысят ли новые механизмы эффективность китайской дипломатии [8, р. 42]. Добавим к нему еще вопрос – насколько прочной будет связка высшего стратегического эшелона, практических организаций и экспертного сообщества. Отсутствие ясной и полной информации о деятельности Совета государственной безопасности пока не позволяет исследователям дать

ответы на эти вопросы. Как и на предыдущем этапе реформ, в эпоху Дэн Сяопина, «новая эпоха» не дарит готовых рецептов, Китай по-прежнему «предпочитает переходить реку, ощупывая камни».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисов И. Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 83–98.
2. *Cabestan J. P.* China's Institutional Changes in the Foreign and Security Policy Realm Under Xi Jinping: Power Concentration vs. Fragmentation Without Institutionalization // *East Asia*. – 2017. – Vol. 34. – No. 2. – P. 113–131.
3. *Gore L. L. P.* Rebuilding the Leninist Party Rule: Chinese Communist Party under Xi Jinping's Stewardship // *East Asian Policy*. – 2016. – Vol. 8. – No. 1. – P. 5–15.
4. *Lampton D. M.* China's Foreign and National Security Policy-Making Process: Is It Changing, and Does It Matter? // *The Making of Chinese Foreign and Security Policy in the Era of Reform, 1978–2000* / Edit. by D. M. Lampton. – Stanford University Press, 2001. – P. 1–36.
5. *Mulrooney D.* Rethinking National Security: China's New Security Commission / Policy Brief, Institute for Security & Development Policy. No. 152. May 6, 2014. – URL: <http://isdpeu/content/uploads/images/stories/isdpeu-main-pdf/2014-mulrooney-rethinking-national-security-chinas-new-security-commission.pdf>
6. *Poh A., Li M.* A China in Transition: The Rhetoric and Substance of Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping // *Asian Security*. – 2017. – Vol. 13. – No. 2. – P. 84–97.
7. *Rolland N.* China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. – Washington, D.C.: National Bureau of Asian Research, 2017.
8. *Wang S.* Xi Jinping's Centralisation of Chinese Foreign Policy Decision-Making Power // *East Asian Policy*. – 2017. – Vol. 9. – No. 2. – P. 34–42.
9. *Wuthnow J.* China's New "Black Box": Problems and Prospects for the Central National Security Commission // *The China Quarterly*. – Vol. 232. December 2017. – P. 886–903.
10. *Yang J.* China's "New Diplomacy" under the Xi Jinping Administration // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2015. – Vol. 1. – No. 1. – P. 1–17.

IGOR DENISOV

Foreign Policy Decision-Making in China: Key Features of the Reforms since the 18th National Congress of the CPC

Igor Denisov, Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: iedenisov@mail.ru

Summary. Xi Jinping's diplomacy relies on certain institutional changes related to the foreign policy decision-making process. National Security Commission (NSC) was established at the 3rd Plenary Session of the 18th Central Committee in November 2013. The paper analyzes the rationale behind this decision, personal composition and main tasks of the NSC. The author argues that further evolution of the National Security Commission does not exclude its transformation into a dual party-state institution in charge of foreign policy and national security. This move will reshape the structure of power distribution in PRC.

Keywords: China, foreign policy, Xi Jinping, strategy, security, reforms, decision-making.

REFERENCES

- Cabestan J. P. China's Institutional Changes in the Foreign and Security Policy Realm Under Xi Jinping: Power Concentration vs. Fragmentation Without Institutionalization. *East Asia*. 2017. Vol. 34. No. 2. P. 113–131.
- Denisov I. E. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: continuity and innovation]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2017. No. 5. P. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98
- Gore L. L. P. Rebuilding the Leninist Party Rule: Chinese Communist Party under Xi Jinping's Stewardship. *East Asian Policy*. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 5–15.
- Lampton D. M. China's foreign and national security policy-making process: Is it changing, and does it matter? In: *The making of Chinese foreign and security policy in the era of reform, 1978–2000*. Edit. by D. M. Lampton. Stanford University Press, 2001. P. 1–36.
- Mulrooney D. Rethinking National Security: China's New Security Commission. *Policy Brief, Institute for Security & Development Policy*. No. 152. May 6, 2014. URL: <http://isdpeu/content/uploads/images/stories/isdp-main-pdf/2014-mulrooney-rethinking-national-security-chinas-new-security-commission.pdf>
- Poh A., Li M. A China in transition: The rhetoric and substance of Chinese foreign policy under Xi Jinping. *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 84–97.
- Rolland N. *China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative*. National Bureau of Asian Research, 2017.
- Wang S. Xi Jinping's Centralisation of Chinese Foreign Policy Decision-Making Power. *East Asian Policy*. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 34–42.
- Wuthnow J. China's New "Black Box": Problems and Prospects for the Central National Security Commission. *The China Quarterly*. Vol. 232. December 2017. P. 886–903.
- Yang J. China's "New Diplomacy" under the Xi Jinping Administration. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 1–17.

